

Суд не может занимать того высокого положения, которое ему предназначено, если в обществе нет вполне ясного сознания его настоящих задач. Что такого сознания у нашей интеллигенции нет, доказательства этого неисчислимы. Из всей массы их возьмем хотя бы взгляды, высказанные случайно в нашей Государственной Думе членами ее, как выразителями народного правосознания. Так, член второй Думы Алексинский¹, представитель крайней левой, грозит врагам народа судом его и утверждает, что «этот суд страшнее всех судов». Через несколько заседаний в той же Думе представитель крайней правой Шульгин² оправдывает военно-полевые суды тем, что они лучше «народного самосуда», и уверяет, что последствием отмены военно-полевых судов «будет самосуд в самом ужасном виде», от которого пострадают и невинные. Это употребление все слова «суд» показывает, однако, что представления наших депутатов о суде отражают еще мировоззрение той эпохи, когда суды приговаривали отдавать осужденных «на поток и разграбление».

Нельзя винить одни лишь политические условия в том, что у нас плохие суды; виноваты в этом и мы сами. При совершенно аналогичных политических условиях у дру-

гих народов суды все-таки отстаивали право. Поговорка — «есть судья в Берлине» — относится к концу XVIII и к первой половине XIX столетия, когда Пруссия была еще абсолютно монархическим государством.

Все сказанное о низком уровне правосознания нашей интеллигенции сказано не в суд и не в осуждение. Поражение русской революции и события последних лет — уже достаточно жестокий приговор над нашей интеллигенцией. Теперь интеллигенция должна уйти в свой внутренний мир, вникнуть в него для того, чтобы освежить и оздоровить его. В процессе этой внутренней работы должно, наконец, пробудиться истинное правосознание русской интеллигенции. С верой, что близко то время, когда правосознание нашей интеллигенции сделается созидателем и творцом нашей новой общественной жизни, с горячим желанием этого были написаны и эти строки. Путем ряда горьких испытаний русская интеллигенция должна прийти к признанию, наряду с абсолютными ценностями — личного самоусовершенствования и нравственного миропорядка, — также и ценностей относительных — самого обыденного, но прочного и ненарушимого правопорядка.

¹ Алексинский Григорий Алексеевич (1879—?) — участник российского с.д. движения. С 1905 г. примыкал к большевикам. Депутат 2-й Государственной Думы. С 1908 г. отзовист, один из руководителей группы «Вперед». С 1917 г. меньшевик. С 1918 г. эмигрант.

² Шульгин Василий Витальевич (1878—1976) — русский политический деятель, монархист.

Домрин А.Н.¹

МЫСЛИТЬ И ДЕЙСТВОВАТЬ В РУССКОМ СМЫСЛЕ

Богатые на события культурной жизни перестроечные годы были столь же богаты идеями невоплощенными, проектами в силу каких-то причин нереализованными. К последним относится малоизвестная попытка возобновления в 1990—1991 гг. издания «Русского вестника», знаменитого литературно-публицистического журнала позапрошлого столетия, расцвет которого приходится на период его редактирования М.Н. Катковым. Поддержанный на последнем этапе московским издательством «Столица» проект возобновления «Русского вестника» был задуман и почти реализован группой молодых московских литераторов и ученых. Безвременный уход в мир иной двоих из нас — Александра Майорова в 1991 году и Петра Паламарчука в 1999-м — всегда будет больно отзываться в сердце.

Помимо собственно литературного раздела, «Русский вестник» также включал в себя рубрики «Русская мысль», «Русский архив», «Русские мемуары», «Современная летопись». В разделе «Белая книга России» готовилось к публикации исследование Ивана Курганова (1895—1980) «Иностранные участники коммунистической революции в России». В разделе «Антология русского самиздата» — статьи Владимира Осипова «Три отношения к Родине» и «Борьба с так называемым русофильством, или Путь государственного самоубийства» из издававшегося им в 1971—1974 гг. первого легального, т.е. открыто подписанного издателем, машинописного журнала «Вече», за который он на восемь лет угодил за решетку по 70-й статье УК («антисоветская агитация и пропаганда»). Предисловие к публикациям статей В.Н. Осипова было написано Леонидом Бородиным, присутствовавшим на суде над

¹ Домрин Александр Николаевич — кандидат юридических наук, доктор права (S.J.D.) Пенсильванского университета, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, приглашенный профессор Школы права Айовского университета, автор монографии «Конституционный механизм чрезвычайного положения» и многочисленных публикаций в российской и зарубежной печати. Корреспондент журнала (Сан-Франциско — Айова-Сити).

Осиповым и впоследствии оказавшемся вместе с ним в том же лагере для политических в Мордовии.

Во время первой поездки в США в 1991 году состоялось мое знакомство с Игорем Вячеславовичем Огурцовым, руководителем той самой подпольной организации — Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа (ВСХСОН), — за участие в которой Леонид Бородин получил свой первый шестилетний тюремный приговор. Самого же И. Огурцова Ленинградский городской суд весной 1968-го приговорил к 15 годам лишения свободы и пяти годам ссылки. И ни одного слова в его защиту от существующей на деньги американских налогоплательщиков радиостанции «Свобода» или от страдающей комплексом неполноценности прозападной московской интеллигенции. Да кому он нужен этот русопят Огурцов! В такие моменты с особой остротой начинаешь осознать всю горечь признания Марины Цветаевой из ее письма к Пастернаку: «Борис, не люблю интеллигенцию, не причисляю себя к ней!»

В Вашингтоне я познакомился и с Наталией Монтвилловой, старшим каталогизатором Библиотеки Конгресса США и дочерью Бориса Коверды, того самого русского студента, застрелившего в 1927 году на вокзале в Варшаве советского полпреда Войкова, товарища Ленина и Троцкого по поездке в опломбированном вагоне из Германии, члена Исполкома Уральского облсовета и непосредственного организатора убийства царской семьи. Рассказывали, что перстень-печатка Войкова был снят с пальца последнего русского императора. По словам Н.Монтвилловой, ее отец, отсидевший 10-летний срок в польской тюрьме, никогда не сожалел о содеянном и, приведись ему оказаться в непосредственной близости к подельникам Войкова Якову Юровскому, Шае Голощекину и им подобным, сделал бы то же самое. А я в очередной раз поражаюсь непредсказуемости жизни. Институт советского законодательства, в котором я работал в 1985–1990 гг., располагался рядом с московской станцией метро «Войковская». В ближайшем к этой же станции здании на Ленинградском шоссе жил член редколлегии «Русского вестника» Петр Паламарчук.

Большую помощь в подборе статей видного русского публициста и литературоведа дореволюционного периода, ведущего публициста газеты «Новое время» (1901–1917), идеолога национального возрождения М.О. Меньшикова оказывал внук писателя М.Б. Пospelов. (Предисловие к статьям Меньшикова написал Павел Горелов, в то время молодой литературовед, а ныне известный телеведущий).

Это Михаилу Меньшикову писал А.П. Чехов: «Вы интересный человек и статьи Ваши наводят на тысячу мыслей, и является желание написать Вам и побеседовать с Вами... Если бы я издавал журнал, то непременно пригласил бы Вас в сотрудники и был бы огорчен, если бы Вы отказали мне». Всего сохранилось 48 посланий Чехова Меньшикову (и не менее 60 писем Меньшикова Чехову). А вот один из отзывов Лескова: «Я высоко ценю Вашу дружбу, люблю Вас». Или строки из письма Л.Н. Толстого от 1898 года: «Я давно знаю Вас и люблю Ваши писания».

Как «ярый враг трудящихся» (БСЭ. 1938. Т.38), Михаил Меньшиков был расстрелян большевиками уже в 1918 году, задолго до репрессий конца 1930-х годов, к реабилитации жертв которых из числа «истинных ленинцев» в то время в основном призывал «Мемориал». На долгие годы писатель был заклеен «Большой советской энциклопедией» как «реакционный журналист... пользовавшийся некоторым успехом среди невзыскательных и малокультурных читателей». По воспоминаниям Душана Маковицкого, Лев Толстой — один из таких «невзыскательных и малокультурных читателей» — отмечал две основные черты Меньшико-

ва: твердость и мужественность. Именно этих качеств, по нашему мнению, требовал от читателей «Русского вестника» наступавший новый «смутный» период отечественной истории, что и предопределило обращение журнала к творческому наследию М.О. Меньшикова.

Охотно делился с нами материалами своей богатой библиотеки эмигрантской литературы один из ведущих исключительно популярной в конце 1980-х телевизионной программы «До и после полуночи» Алексей Денисов, благодаря историческим репортажам которого саму программу можно было смело переименовать в «До и после революции». Уже в первых номерах «Русского вестника» должны были выйти мемуары дроздовского генерала Антона Туркула «Дроздовцы в огне» (в литературной обработке Ивана Лукаша), предоставленные в наше распоряжение Алексеем Денисовым. По предложению Денисова, в третьем номере «РВ» также планировалась полная публикация поэтического сборника «Ладанка» замечательного русского поэта Ивана Савина.

Заявляя о своей исторической преемственности, новый «Русский вестник» вовсе не был опрокинут в прошлое. В первый же номер журнала была включена наиболее полная публикация «По Руси, по матушке вечный пост...» Александра Башлачева (1960–1988), может быть, самого пронзительного поэта моего поколения. Ольга Седакова дала согласие на публикацию во втором номере «РВ» своего удивительного поэтического сборника «Дикий шиповник». В журнале должны были быть напечатаны статьи современных мыслителей Виктора Тростникова «Что произошло с Россией?» и Михаила Антонова «Русская идея на исходе XX века».

Но жизнь действительно непредсказуема. Ни воспоминания Б.Коверды и А.Туркула, ни поэзия А.Башлачева и О.Седаковой, ни другие готовившиеся нами материалы не увидели свет на страницах «Русского вестника». Обвал отечественной экономики, инициированный неконтролируемым отпуском цен и пресловутой ваучерной приватизацией, стал смертельным приговором в начале 1990-х для многих отраслей производства, в том числе и для книгопечатания. Задуманный как ежеквартальное некоммерческое издание, «Русский вестник» стал нерентабельным еще до выхода его сигнального экземпляра. Объем производственных мощностей издательства «Столица» сократился на девяносто процентов. Макеты первых трех номеров журнала так и остались стоять на книжных полках членов редакционного коллектива. Неизданные или неизвестные в то время отечественному читателю работы Ивана Ильина и Василия Никифорова-Волгина, Романа Гуля и Михаила Меньшикова, Игоря Шафаревича и Михаила Назарова, Владимира Кормера и Дмитрия Панина, которые должны были впервые появиться в «Русском вестнике», разошлись по дружественным изданиям и журналам.

Особое место на страницах возобновленного «Русского вестника» должны были занять перепечатки из катковского издания, в частности, статьи М.Де-Пуле «Нигилизм как патологическое явление русской жизни» и Н.Щербаня «Политический разврат: «народовольчество» и «народовольцы» (террористы)». Выпускники советских вузов — несмотря на все несомненные достоинства высшей школы в СССР — мы лишь в позднегорбачевский период открыли для себя и по достоинству оценили работы авторов, на протяжении нескольких десятилетий вычеркнутых из официальной отечественной историографии. В поистине «оканные дни» торжества радикал-либеральной идеологии и рыночного фундаментализма особенно важными и злободневными, по нашему мнению, становились размышления, казалось бы, обреченных на забвение (в лучшем слу-

чае — на славу «гнусных душителей свободы») консерваторов и «реакционеров» Константина Леонтьева, Константина Победоносцева, Льва Тихомирова. Особое место в «этой ватаге ренегатов», в «этом гнусном комплоте» и «созвездии обскурантов, излучающем темный и пагубный свет», как со свойственной ему иронией писал об этом круге авторов в своей работе «Василий Розанов глазами эксцентрика» Венедикт Ерофеев, несомненно занимает имя самого Михаила Никифоровича Каткова (1818—1887).

Личность Каткова привлекла наше внимание уже тем, что никак не вмещалась в рамки вульгарно-марксистской теории классового деления общества. Подобно тому, как руководители белого движения (Алексеев, Корнилов, Деникин) происходили из беднейших слоев русского общества, точно так же Михаила Каткова, родившегося 1 ноября 1818 года в семье мелкого московского чиновника, следовало бы отнести, пользуясь социал-демократической терминологией, не иначе как к «кухаркиным детям». Незнатное происхождение не помешало ему еще в ранней юности получить самое широкое европейское образование. Не один же Ломоносов был таким! Талантливый публицист, Катков уже в студенческие годы привлек внимание русской общественности своими статьями в «Московском наблюдателе» и «Отечественных записках». В их авторе, которому тогда едва исполнилось двадцать лет, В.Г. Белинский усматривал «великую надежду науки и русской литературы». По окончании университетского курса Михаил Катков без всяких средств уезжает в Берлин, где в течение двух семестров слушает лекции Шеллинга. Вернувшись из-за границы, он защищает магистерскую диссертацию «Об элементах и формах славяно-русского языка» и назначается адъюнктом кафедры философии Московского университета. В 1851 году Катков становится редактором «Московских ведомостей», а пятью годами позже возобновляет издание «Русского вестника».

В это же время М.Н. Катков серьезно интересуется государственно-правовым устройством Великобритании, изучает труды классиков европейского государственоведения Уильяма Блэкстона и Рудольфа Гнейста. Работы последнего, кстати, до сих пор считаются одними из основополагающих в области теории правового государства. Для непосредственного знакомства с практикой британского конституционализма он совершает поездку в Англию. Катков не скрывает своего восхищения конституционно-монархической формой правления Великобритании. Неоднократно высказываясь самым решительным образом против леворадикальных увлечений Герцена, Бакунина, Чернышевского, революционной бесовщины, он неизменно выступает за расширение гражданских свобод и прав местного самоуправления, за свободу слова и ограничение правительственной цензуры в России. Катков одинаково решительно выступает как против экстремизма революционных демократов, так и против крайностей полицейского бюрократизма. Обвиняя администрацию в «систематическом превышении власти», он также решительно протестует против бездействия властей.

Борьба, которую М.Н. Катков вел на страницах «Московских ведомостей» за расширение свободы печати в обсуждении общественных и государственных вопросов, достигла своего апогея в середине 1860-х годов. По оценке Ю.И. Селезнева, в тот период сложилась беспрецедентная для России ситуация: частное лицо, журналист, лидер правых либералов, идеолог народной монархии открыто

вмешивался в важнейшие дела внутренней и внешней политики империи, обвиняя высших правительственных чиновников в государственном предательстве, антипатриотизме, национальном нигилизме. Против Каткова был выдвинут ряд серьезных обвинений. Министр внутренних дел Валуев и министр просвещения Головин организовали обсуждение деятельности Каткова, в результате чего было вынесено решение о недопустимости такого положения, когда частная газета «разбирает действия правительства, иногда прямо осуждая высших должностных лиц».

Конечно, **«кто изменяет русскому делу и способствует антирусскому, — отвечал М.Н. Катков, — тот не ходит на правом пути. Что бы таковой ни говорил, ни делал, всё будет одобрительно. Кто, напротив, будет в России мыслить и действовать в русском смысле, тот проклят и что бы таковой ни говорил, всё будет омерзительно...»**.

Но нынешняя ситуация в России, продолжал он, отнюдь не исключительная, а потому и стоит заглянуть в наше историческое прошлое, дабы извлечь из него уроки для настоящего и будущего. «Назад тому почти три века Россия также переживала смутное время, — напоминал он об эпохе Минина и Пожарского. — Но тогда действовала простая сила, и дела делались грубо, а теперь они происходят в неосознанной стихии мнения, где вместо силы действует обман. В ту давнюю пору пришедшие враги

владели русскою столицей, открыто жгли, грабили и били. Но **предки наши не в пришедших врагах видели главное зло. В сказаниях того времени встречается сильное слово «русские воры»**. Предательство и не думало прятаться... И в настоящую пору, конечно, не обходится без домашних воров, и теперь еще более, в них-то вся и беда... **Истинный корень мятежа, — заключал Катков, — не в Париже, Варшаве или Вильне, а в Петербурге, в деятельности тех лиц, «которые не протестуют против сильных влияний, способствующих злу»**.

«Всё искусство наших политических противников состоит в том, чтобы вооружить нас против нашей народности. Взаимное недоверие и разделение между русским народным чувством и русскою верховною властью, вот цель этих стремлений, и если бы цель эта могла быть... достигнута, то дело их было бы сделано», — констатировал Катков.

Отказ Каткова напечатать предупреждение, данное Министерством внутренних дел «Московским ведомостям» с официальной формулировкой «за возбуждение недоверия к правительству», повлек за собой второе, а затем и третье предупреждение, после чего издание газеты было приостановлено на два месяца. Как тут не вспомнить другого «мракобеса и реакционера» Ивана Аксакова. Начал он редактировать «Московский сборник» — второй том запретили, начал издавать газету «Парус» — на втором номере закрыли, начал выпускать газету «День» — запретили, издавал «Москву» — получил девять (!) предупреждений цензуры, издание трижды приостанавливалось, пока не было запрещено вовсе. И это кроме запрета на участие в кругосветном путешествии, кроме расписанной верстки книги и высылки в деревню.

Более благополучно складывалось редактирование М.Катковым другого издания — «Русского вестника», издававшегося сначала Сергеем Глинкой, затем Николаем Гречем, но лишь благодаря Каткову ставшего может быть лучшим русским журналом XIX века. По словам Михаила Меньшикова, Катков сумел вместить в себе «и западничес-

Но нынешняя ситуация в России, продолжал он, отнюдь не исключительная, а потому и стоит заглянуть в наше историческое прошлое, дабы извлечь из него уроки для настоящего и будущего.

ство, и славянофильство в здоровом синтезе национализма... В противовес радикальной интеллигенции он старался организовать национальную литературу, верную духу народному, и это ему в значительной степени удалось».

Действительно, сам Катков отрицал и прогрессистскую и консервативную партийность, считая противопоставление этих двух настроений неоправданным. «Истинно прогрессивное направление должно быть в сущности консервативным, — писал он в статье «К какой принадлежим мы партии?», — ибо чем глубже преобразование, чем решительнее движение, тем крепче должно держаться общество тех начал, на которых основано».

Определяя кредо журнала, Катков писал: **«Любовь к Отечеству, искреннее желание добра нашим соотечественникам, стремление к правде, истине и беспристрастию, благоговейное хранение святого завета предков наших, Языка и Истории — вот условия существования «Русского Вестника».** Трезвая, глубоко осознанная почвенность, смелость и независимость суждений, присущие как самому Каткову, так и общей направленности праволиберально-почвеннического «Русского вестника» привлекали к журналу лучших писателей России. В журнале — часто в одних и тех же номерах! — впервые печатались «Отцы и дети», «Накануне» и «Дым» Тургенева, «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина, «В лесах» и «На горах» Мельникова-Печерского, знаменитые антиинигилистические романы Лескова «На ножах» и «Некуда», «Взбаламученное море» Писемского, проза Лажечникова и Григоровича, поэзия Плещеева, Фета, Майкова, А.К. Толстого, Полонского, Аполлона Григорьева, пьесы Островского. С журналом активно сотрудничали Аксаковы, филолог и фольклорист Ф.И. Буслаев, историк С.М. Соловьев, член Государственного совета К.П. Победоносцев.

Постоянным автором «Русского вестника» с конца 1850-х годов был Л.Н. Толстой, поместивший на его страницах «Семейное счастье», «Поликушку», «Казаков», позднее — начало «Войны и мира», «Анну Каренину». По свидетельству А.Г. Достоевской, «Русский вестник» был единственным тогда журналом, в котором ее муж, по своим убеждениям, мог работать. Именно здесь Ф.М. Достоевский печатает романы «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы».

Позднее характеризуя ориентацию «Русского вестника», Ленин указывал, что в журнале помещались «романы с описанием благородных предводителей дворянства, благодушных и довольных мужичков, недовольных извергов, негодяев и чудовищ-революционеров». В отношении романов Тургенева, Лескова, Толстого, Достоевского сказано не слабо. За публикацию своих публицистических статей и лучших романов русской литературы Катков удостоился следующей ленинской характеристики: «националист», «шовинист», «бешеный черносотенец».

Публикация «Бесов» вызвала особенно яростную реакцию со стороны революционных демократов. Против Достоевского, «Русского вестника» и его издателя в «демократической» печати была организована мощная кампания травли, не утихавшая несколько десятилетий. Травля эта наглядно иллюстрирует историческую драму русского просвещенного консерватизма, находившегося между молотом «прогрессивной» российской интеллигенции и наковальней правительственного официоза. Совершенно справедлива мысль Юрия Кублановского о том, что **«кажется, не было в России труднее задачи, чем попытка политически или в публицистике реализовать свои либерально-почвеннические устремления... Именно перманентное ущемление интеллектуальных, идейных и духовных возможностей**

деятелей и сил антирадикального лагеря и привели в конце концов Россию к ногам шигалевых — как столичных, так и... местечковых».

Как и Пушкин, М.Н. Катков, к сожалению, слишком поздно нашел себе покровителя в лице монарха. 20 июля 1887 г. Катков скончался в своем имении, селе Знаменском Подольского уезда Московской губернии и был похоронен на кладбище московского Алексеевского монастыря. По свидетельству современника, смерть эта вместе с ранним уходом Достоевского, Скобелева, Тургенева и Аксакова была одним из ударов, обессиливших царствование императора Александра III и как бы обездушивших Россию.

Что же касается «Русского вестника», то он продолжал выходить, хотя и сменил нескольких издателей. В нем появилось еще немало интересных произведений. Достаточно сказать, что в последние годы в журнале печатались Василий Розанов и Лев Тихомиров. В 1906 году, в разгар революционных событий, которые предвидел и потому так отчаянно пытался их предотвратить Михаил Катков, «Русский вестник» прекратил свое существование. Дальнейшая борьба была бессмысленна. Не будь журнал закрыт в годы первой русской революции, всего через несколько лет ему неизбежно пришлось бы разделить участь «Русских ведомостей», «Русского архива», «Русского богатства», «Русской мысли», «Русского слова», «Русской воли», «Русской свободы» и многих других изданий, запрещенных в 1917–1918 гг. дорвавшимися до власти шигалевыми.

По словам уже цитировавшегося Михаила Меньшикова, **«точно репейником поля — клеветой и ложью поросло русское общественное сознание».** Диагноз этот в значительной мере остается верным и по сей день. Как писал в статье «Мужество» Леонид Бородин, «а с утра снова жить и притворяться кем угодно! Советскими, антисоветскими — но только не русскими! Потому что — неприлично. Некультурно...» Да что говорить — еще в 1990-м нам было «рекомендовано» осторожнее выбирать название журнала. А ведь уже в первом номере возобновленного издания «Русского вестника», готовившемся накануне распада великого Советского Союза, планировалось перепечатать статью Каткова, в которой он камня на камне не оставлял от **«одной доктрины, нарочно сочиненной для России»**, согласно которой **«прогресс Русского государства требует раздробления его области по-национально на многие чуждые друг другу государства».** Доктрина эта, по словам М.Н. Каткова, «возбуждает и усиливает все элементы разложения, какие только могут оказаться в составе Русского государства, и создает новые. Людям солидным она лукаво шепчет о громадности России, о разноплеменности ее населения, об удобствах управления, будто бы требующего не одной административной, но и политической децентрализации... для молодых, неокрепших или попорченных умов она соединяется со всевозможным вздором, взятым из революционного арсенала». **«Попорченные умы»** — так ведь это Катков об известных отечественных деятелях перестроечной эпохи!

Для нас же, пытающихся сквозь тьму времен и чад столичной либерал-экстремистской идеологии разглядеть истинные черты одного из первых борцов с прогрессистской бесовщиной, будут ориентиром слова Александра III из телеграммы на смерть Каткова, отправленной его вдове: «Вместе со всеми истинно русскими людьми глубоко скорблю о Вашей и нашей утрате. Сильное слово покойного мужа Вашего, одушевленное горячей любовью к Отечеству, возбуждало русское чувство и укрепляло здравую мысль в смутные времена. Россия не забудет его заслуги».